

ОБ ИЗОМОРФИЗМЕ НЕКОТОРЫХ БАЗОВЫХ КОНЦЕПЦИЙ СОВРЕМЕННОЙ ЗАПАДНОЙ И ТРАДИЦИОННОЙ ВОСТОЧНОЙ КАРТИН МИРА

Рассматривается эволюция западной картины мира на этапе её перехода от классической к современной неклассической мировоззренческой парадигме. Основной упор сделан на описании тенденций в развитии неклассической (релятивистской и квантовой) физики и их определяющем влиянии на картину мира современной западной цивилизации. Показан изоморфизм некоторых базовых концепций этой картины мира и традиционной восточной, позволяющий говорить о том, что современный Запад в общекультурном измерении развивается в сторону созвучия своих основных мировоззренческих установок идеям традиционных философских и религиозных учений Востока. Рассматривается вопрос о причинах западного интереса к традиционному культурному наследию Востока, его влиянии на современную культуру Запада и дальнейших перспективах этого процесса.

Ключевые слова:

буддизм, восточная картина мира, даосизм, западная картина мира, изоморфизм, картина мира, культурное наследие Востока, мировоззренческая парадигма, неклассическая физика, культурное наследие Востока

Классическая западная картина мира строится на чётких и явных оппозициях: вещь – процесс, тело – душа (дух), абсолютное – относительное, единое – множественное, человек – бог, рациональное – иррациональное, реальное – идеальное и т.д. Картина мира традиционной восточной культуры, напротив, практически лишена этой дихотомичности, в основе своей холистична. Даже сами понятия, образующие на Западе оппозиции, на Востоке часто либо синонимичны (как «вещь» и «дело» в китайском языке), либо одно из них вообще отсутствует в языке (например «Бог» в том же китайском).

Под Востоком здесь понимается не тот разрозненный конгломерат, в который под воздействием политико-экономической ситуации конца XVIII–XIX вв. европейское сознание механически объединило все более-менее развитые неевропейские культуры Старого Света (по принципу: Восток – это всё, что не Запад), а, напротив, чётко прослеживаемое единство культур Дальневосточного культурного региона (современные Китай, Япония, Корея и Вьетнам), Индии и Тибета. Единство, сложившееся в первую очередь благодаря развитию и распространению в этом регионе буддизма в различных его формах, а применительно к Дальнему Востоку – также специфической китайской натурфилософии (нашедшей своё наиболее развитое выражение в учении даосизма) и общему письменному пространству на основе китайской иероглифики.

Восток демонстрирует преобладание философского и вообще мировоззренческого монизма, который чётко осознан самой восточной философией в виде принципа недвойственности – санскр. *адвайта* (значение этого слова – «недвойственность» – вполне понятно для носителя русского языка вследствие родственности его санскриту); кит. *буэр*; яп. *фуни*. Культура Востока и в своём мировоззренческом аспекте демонстрирует недвойственную холистичность. Она скорее натуроцентрична, в фокусе её картины мира – Вселенная в её неразрывном единстве. Здесь нет принципиального разделения между Богом и человеком, творцом и творением, духом и телом.

Основания, изначально заложенные в западную культуру и развитые ею в процессе её исторического бытия, своего наивысшего, предельного воплощения, достигли в европейской культуре XVII–XVIII вв., в эпоху формирования и безраздельного господства т.н. ньютоновско-картезианской картины мира и связанной с ней классической научной парадигмы, основанной на рационализме Р. Декарта и классической физике И. Ньютона.

Примерно со второй половины XIX в. (этот хронологический рубеж весьма условен, о чём будет сказано ниже) культура Запада чрезвычайно быстро и коренным образом эволюционирует, всё больше отдаляясь от своей классической формы и

приближаясь, как это ни странно, во многих базовых аспектах своего нового, неклассического мировосприятия к традиционной восточной культуре.

Процесс смены классической культурной парадигмы неклассической далеко не завершен и протекает асинхронно в различных сферах и областях культуры. В авангарде его находится физика – самая динамично развивающаяся в последние полтора столетия область науки. Своими успехами как в теоретическом осмыслении реальности, так и в достижении практических результатов, значимость которых для всего цивилизованного человечества сложно переоценить, она как бы «тянет» за собой всю западную культуру и цивилизацию. Однако в других науках, даже естественного цикла, несмотря на огромные сдвиги в этом направлении, до сих пор продолжает доминировать позитивистски понятая ньютоно-картезианская парадигма [4, с. 48]. В сфере художественной культуры переход к неклассической парадигме раньше и ярче всего проявляется, естественно, во всевозможных авангардно-новаторских течениях, направлениях и стилях, а также в тех новых видах и формах искусства, само возникновение которых приходится на недавние по историческим меркам времена. Наибольший консерватизм в этих вопросах демонстрирует массовое сознание, но и здесь наблюдается явная эволюция в том же направлении. Об этом красноречиво свидетельствует сам факт массового увлечения на Западе восточной культурой в самых разных её проявлениях: восточными философскими и религиозными учениями, восточными духовными и телесными практиками, восточной эстетикой и принципами организации жизненного пространства, даже восточной медициной и кухней.

Разложение старой (классической) парадигмы и формирование новой не завершено, различные области культуры, различные социальные группы и индивиды находятся на разных стадиях этого процесса, а некоторые, пожалуй, даже остались от него в стороне. В западной культуре одновременно сосуществуют как новая, неклассическая, так и старая – классическая парадигма, оказывающая сдерживающее влияние на развитие многих культурных феноменов в указанном направлении [4, с. 51]. Но, несмотря на эту незавершенность и «борьбу парадигм», не вызывает сомнений само направление эволюции

западной культуры в сторону преодоления классических представлений о мире, а следовательно, и в сторону большего сближения с культурой восточной.

Уже в Новое время, когда гештальт западной культуры предстаёт в своей максимально оформленной и реализованной форме в Западной Европе, но ещё до начала какого-либо систематического знакомства с философским наследием Востока, европейская мысль демонстрирует примеры самостоятельной разработки созвучных ему идей. Наиболее ярким примером подобного рода был британский эмпиризм (Дж. Локк, Д. Юм), широко заимствованный французским Просвещением в качестве методологии своей критики философско-теологических оснований католической религии. Только в XIX в., в результате развития собственного научного востоковедения, Запад открыл для себя явное сходство идей британского эмпиризма и буддийской философии. Сам же британский эмпиризм восходит своими корнями ещё к средневековому номинализму [3, с. 37–38].

Это лишь один из примеров независимого параллелизма путей развития мысли Востока и Запада в эпохи, когда ни о каком заимствовании не могло быть и речи. Однако, как и в остальных сходных случаях, это и другие такие течения западной мысли не определяли магистрального пути её развития, оставаясь каждое лишь одной из более или менее распространённых точек зрения. Подобно философии греческих доократиков (в первую очередь Гераклита), поздних стоиков и натурфилософов европейского Ренессанса, «это “общее” (между Западом и Востоком – *А.Д.*) не играло формообразующей роли в формировании европейской культуры и присутствовало как бы на её периферии» [3, с. 29].

Начало доминированию в самой западной мысли идей и подходов, созвучных идеям и подходам Востока, приходится на вторую половину XIX в. и связано уже не столько с развитием европейской философии, сколько с успехами европейской науки, в первую очередь, физики. И отнюдь не случайно, что именно в этот период начинается систематическое изучение культуры Востока вообще и его философского наследия в частности. Потребность породила интерес, реализовавшийся, в первую очередь, в доминантной для западноевропейской цивилизации того времени научной сфере, но отнюдь не только в ней. Начавшееся тогда увлечение Востоком

Фритьоф Капра, а вслед за ним и Е.А. Торчинов отмечают явный изоморфизм психологических концепций, лежащих в основе систем (религиозной) философии Китая и Индии с принципами неклассической физики [4, с. 536]. Дополнительный вес этим суждениям придаёт в данном случае полное совпадение взглядов профессионального физика и гуманитария-востоковеда, исследующих проблему каждый со своей точки зрения. Вот что пишет об этом Ф. Капра в своей знаменитой книге «Дао физики. Исследование параллелей между современной физикой и мистицизмом Востока»: «Понятия современной физики зачастую обнаруживают изумительное сходство с представлениями, воплощёнными в религиозных философиях Дальнего Востока. Хотя эти параллели до сих пор не рассматривались хоть сколько-нибудь обстоятельно, они были отмечены некоторыми выдающимися физиками нашего столетия (Р. Оппенгеймер, Н. Бор, В. Гейзенберг – *А.Д.*), соприкоснувшимися с восточной культурой во время посещения Индии, Китая и Японии с лекциями. <...> Мы увидим, как два краеугольных камня физики двадцатого века – квантовая теория и теория относительности – лежат в основании мировоззрения, очень похожего на мировоззрение индуиста, буддиста или даоса, и как это сходство усиливается в том случае, когда мы обращаемся к недавним попыткам объединить две эти теории в целях описания явлений микроскопического мира: свойств и взаимодействий элементарных частиц, из которых состоит вся материя. Здесь параллели между современной физикой и восточным мистицизмом наиболее заметны, и часто нам придётся слышать такие заявления, относительно которых практически невозможно сказать, кем они сделаны: физиками или восточными мистиками» [2, с. 13–14].

Особенно ярко эти принципы проявляются в дальневосточной культуре с её процессуальным пониманием «вещи», т.е. любого наблюдаемого феномена. Недаром в ней такое важное место занимает идея трансформаций-перемен – и, что коррелирует с отсутствием в древнекитайском языке глагола «быть», ведущим к отождествлению бытия вообще, наличного бытия и становления [3, с. 99–100].

И в этом с традиционной восточной культурой вполне согласна современная

наука. Даже самые базовые физические категории, такие как пространство, время, материя, энергия для неё не только не являются вечными и неизменными, но и представляются лишь функциями друг от друга, т.е., фактически, некими виртуальностями, зависящими от нашего способа восприятия и интерпретации.

Ни классические корпускулярные представления об элементарных частицах и планетарной модели строения атома, ни альтернативная им квантовая механика по отдельности не справляются с задачей адекватного описания всей полноты наблюдаемых феноменов. Поскольку какой-либо единой теории, синтезирующей или, напротив, отменяющей корпускулярные и квантовые представления, несмотря на все весьма интересные попытки, построить не удалось, то в физике утвердился т.н. корпускулярно-квантовый дуализм, согласно которому один и тот же объект с одинаковым основанием может быть описан и как частица, и как волна. А поскольку из этих частиц-волн состоит вся явно наблюдаемая Вселенная (вероятно также и не наблюдаемая напрямую т.н. «тёмная» материя и энергия), то сама современная физика приводит к неизбежному выводу о равноценной онтологической релевантности взаимоисключающих способов описания реальности, т.е. об условности и относительности этих способов восприятия. Таким образом, если теория относительности постулировала относительность таких категорий как «материя», «пространство», и «время», то с появлением квантовой механики встал вопрос о несуществовании (во всяком случае, на данный момент) единственного «объективного» способа восприятия реальности. Дальнейшие разработки, такие как появление представлений о сингулярности, в которой непредсказуемым образом меняется характер всех базовых физических взаимодействий, концепция «перпендикулярного времени» нобелевского лауреата С. Хокинга, или идея вселенского времени как функции воспринимающего сознания, высказанная и математически обоснованная лауреатом премии Дирака, профессором А.Д. Линде, вообще не оставили в физической Вселенной каких-либо абсолютных констант, внеположенных нашему сознанию точек отсчёта, от которых можно было бы строить единственное «объективное» описание реальности. Современные же представления о Мультиверсуме и бесконечном порождении новых

вселенных из тела уже существующих в процессе «Большого разрыва» (big rip) окончательно изгоняют из космологии понятие о единой и абсолютной «стреле истории» мироздания от Большого взрыва до гипотетического её завершения (то понятие, которое так хорошо соотносилось с традиционным западным линейным пониманием времени, идущим ещё от библейской мифологии) в пользу циклической модели. Но именно к таким выводам пришли более двух тысячелетий назад даосская и буддийская философия с их идеями бесконечного естественного становления («перемен»), иллюзорности и взаимной относительности всех наблюдаемых феноменов. Очередной виток спирали познания вышел на те же идеи, только на новом уровне.

С этими изменениями физической картины мира коррелирует, а в некоторых моментах и предвосхищает их эволюция европейской философии. Несмотря на наличие ещё в античной философии категории становления, классически выраженной в учении Гераклита, процессуальное понимание вещи было впервые сформулировано лишь в первой половине XX в. А.Н. Уайтхедом [3, с. 93]. Вектор предшествующего развития западной философии с самого его начала был задан платонизмом, рассматривавшим в качестве истинного действительного бытия лишь бытие вечное и неизменное, а изменяющееся и становящееся – как неподлинное, ущербное бытие. Устойчивость этой позиции связана с длительным безраздельным господством авраамического типа религиозности, догматика которого неизбежно предполагает находящегося над миром, вне времени абсолютного и совершенного (т.е. не подверженного становлению) Бога, и, противопоставляя Творца творению, а дух – материи, ставит первое несравнимо выше второго. И только в последние столетия западная (европейская) философия начала принципиально отказываться от этого платоническо-монотеистического взгляда в пользу позиции, которую Э. Левинас назвал «антиплатонизмом»: «Итак, современная философия значения, восходит ли она к гегелевским, бергсоновским или феноменологическим корням, в одном основополагающем моменте противостоит Платону; постижимое немислимо вне подсказавшего его становления. Не существует значения в себе, будто бы достижимого для мышления в прыжке через искаженные или верные, но в лю-

бом случае ощутимые и ведущие к нему отражения» [3, с. 93–94]. Пожалуй, наиболее ярким примером этой позиции в современной западной философии является философия бытия М. Хайдеггера, на которого огромное влияние оказало философское наследие Востока.

Стремительное развитие современной физики, изменив научную картину мира, затронуло, прямо или косвенно, практически все стороны западной культуры. Физика является основой всех естественных наук, а в сочетании с техническими науками она за последнее столетие радикально изменила условия жизни значительной, и с каждым десятилетием всё возрастающей доли человечества. Поэтому в современной западной культуре «...параллели с восточными мистическими учениями обнаруживаются не только в физике, но и в биологии, психологии и других науках. Изучая взаимосвязи между физикой и этими науками, – пишет Ф. Капра – я обнаружил, что понятия современной физики могут быть перенесены и в другие области посредством теории систем. <...> Подход с позиций теории систем значительно усиливает параллели между современной физикой и восточным мистицизмом. Помимо этого, новая биология систем и новая психология систем обнаруживают другие совпадения с мистическими учениями, лежащие за пределами предмета изучения физики. <...> Принципиальное сходство этих представлений (о свободе воли, о смерти, о сущности жизни, мышления, сознания и развития – *А.Д.*), описанных в терминах теории систем, с соответствующими положениями восточного мистицизма, убедительно свидетельствует в пользу моего утверждения о том, что философия мистических традиций, или “неувядающая философия” – это наиболее последовательное философское обоснование современных научных теорий» [2, с. 8].

Таким образом, встреча Запада и Востока совершилась отнюдь не только на историческом поле. Она была подготовлена и обусловлена внутренним развитием самой западной культуры. Доведение ею своих глубинных потенций до предела потребовало некоей внешней дополнительности, на роль которой, по причине её полярности Западу, в максимальной степени подходит культура Востока. Её достоинство в данном случае заключается не в том, что она «лучше» Запада (подобные оценки вообще неприменимы в науке), а в том, что она *иная*.

Разумеется, эта взаимная альтернативность восточной и западной парадигм проявляется лишь в типологическом аспекте, как альтернативность, максимальная «удалённость» друг от друга их исходных условных моделей (гештальтов, идеальных типов), но не в аспекте конкретно-историческом. В этом последнем возможен и на наших глазах осуществляется синтез рассматриваемых парадигм.

Стремительный прогресс западной цивилизации в новое и новейшее время привёл к её отрыву от собственной традиционной культуры, не успевавшей эволюционировать в том же темпе. В ещё большей степени это относится к России, где цивилизационный прогресс носил во многом искусственный, скачкообразный, судорожный, «догоняющий» характер.

Традиционная культура Дальнего Востока парадоксальным образом оказалась на парадигмальном уровне более адекватной современному состоянию западной цивилизации, нежели традиционная культура самого Запада. Эту кризисную ситуацию, с которой западная культура столкнулась в XX в., и один из путей её преодоления, на котором огромную помощь может оказать и уже оказывает культурное наследие Востока, описывает А. Уотс в предисловии к работе «Путь Дзэн»: «Исчезают знакомые концепции пространства и времени, движения, природы и её законов, истории и социальных изменений, человеческой индивидуальности, и мы ощущаем себя несомыми по течению, в реке без берегов, в пространстве, которое всё больше и больше соответствует буддийскому принципу “Великой пустоты”. Ничто не может научить нас искусству жить в такой вселенной – ни религиозная, ни философская, ни научная мысль Запада. В таком

не хранящем следа океане относительности мы строим планы нашего пути. И для абсолютизации, для фиксации себя в этом мире мы используем те принципы и законы, за которые мы могли бы ухватиться ради своей духовной и психологической безопасности.

Вот почему, я думаю, возник повышенный интерес к такому способу жизни и такой культуре, которая на протяжении пятнадцати столетий в такой “Пустоте” ощущала себя как у себя дома, не только не испытывая при этом ужаса, но даже ощущая позитивное наслаждение» [5, с. 12–13].

Эволюция западной картины мира в сторону созвучия восточной парадигме обусловлена внутренней логикой развития самой западной культуры. Но, начав интуитивно ощущать, а потом и осознавать сходство своих новых представлений, идей, эстетических идеалов с тысячелетними канонами восточной мысли и искусства, люди Запада стали целенаправленно черпать из сокровищницы традиционной культуры Китая, Индии, Японии, Кореи, Тибета. С этого момента, пришедшего на конец XIX в., восточная культура сама начинает активно влиять на Запад через интересующихся ею мыслителей, изучающих её исследователей, вдохновляющих её художников, поэтов и писателей. Она перестаёт быть лишь волнующей экзотикой, постепенно становясь чем-то близким, своим – вначале для немногих выдающихся личностей, первыми сумевших уловить и разглядеть её очарование, потом – для всё более широкого круга почитателей, вплоть до проникновения, пусть уже и в сильно изменённом виде, в западную масс-культуру с середины XIX – конца XX вв.

Список литературы

1. Завадская Е.В. Культура Востока в современном западном мире. – М.: Главная редакция восточной литературы изд-ва «Наука», 1977. – 168 с.
2. Капра Ф. Дао физики. – СПб.: «ОРИС», «ЯНА-ПРИНТ», 1994. – 304 с.
3. Торчинов Е.А. Пути философии Востока и Запада: Познание запредельного. – СПб.: «Азбука-классика», «Петербургское Востоковедение», 2005. – 480 с.
4. Торчинов Е.А. Религии мира: Опыт запредельного. Психотехника и трансперсональные состояния. – 4-е изд. – СПб.: «Азбука-классика», «Петербургское Востоковедение», 2007. – 544 с.
5. Уотс А.В. Путь Дзэн. Пер. с англ. – К.: София, Ltd., 1993. – 320 с.